

Рецепция творчества Л. Н. Андреева

УДК 82-1/-9

Боева Галина Николаевна

Доктор филологических наук,
профессор кафедры рекламы и связей с общественностью,
Санкт-Петербургский государственный университет
промышленных технологий и дизайна,
Санкт-Петербург, Россия, e-mail: g_boeva@rambler.ru

«АЛЬТЕРНАТИВНЫЙ ЛЕОНИД АНДРЕЕВ»: РЕЦЕПЦИЯ ТВОРЧЕСТВА ПИСАТЕЛЯ ФИКРАЙТЕРАМИ

В статье исследованы практики фанфикшна, связанные с рецепцией творчества Леонида Андреева. Объектом анализа стали фанфики, представленные в фандоме «Леонид Андреев», — с точки зрения выбора произведений писателя, послуживших «каноном», разнообразия интерпретативных сценариев, сюжетных и жанровых стратегий порождения текстов, их стилевых особенностей и содержания авторских комментариев. Сделаны заключения о вторичности литературного опыта, воплощённого в фанфиках, обращённых преимущественно к социально-культурному опыту авторов, о причинах их исключительного интереса к некоторым произведениям писателя (в частности, «Иуда Искариот и другие», «Кусака», «Дневник Сатаны»), об особенностях письма Андреева, привлекательного для фанатов экспрессивностью и нелинейностью психологического рисунка героев, дающей возможность вставных сцен и продолжения повествования.

Ключевые слова: Леонид Андреев, рецепция, русская литература, фикрайтер, фанфикшн, фандом, чтение, письмо, интернет-технологии.

Galina N. Boeva

Doctor of Philological Sciences,
Professor Department of Advertisement and Public Relations,
St. Petersburg State University of Industrial Technology and Design,
Russian Federation, St. Petersburg

“ALTERNATIVE LEONID ANDREEV”: RECEPTION OF THE WRITER’S WORK BY FIKRAITERS

Abstract. *The article investigated fanfiction practices related to the reception of Leonid Andreev’s work. The object of analysis was the fanfics presented in the fandom “Leonid Andreev”, — from the point of view of the choice of the writer’s works that served as the “canon”,*

the variety of interpretive scripts, plot and genre strategies for creating texts, their style features and the content of copyright comments. Conclusions were made about the secondary nature of the literary experience embodied in fanfics, addressed mainly to the socio-cultural experience of the authors, about the reasons for their exceptional interest in some works of the writer (in particular, Judas Iscariot and Others, Kusaka, Satan's Diary), about the features of Andreev's letter, attractive to fans expressiveness and nonlinearity of the psychological drawing of the heroes, giving an opportunity.

Key words: Leonid Andreev, reception, Russian literature, fitter, fanfiction, fandom, reading, writing, Internet technologies.

Для цитирования:

Боева, Г. Н. «Альтернативный Леонид Андреев»: рецепция творчества писателя фикрайтерами // Гуманитарная парадигма. 2021. № 2 (17). С. 64—72.

Свою известность Леонид Андреев получил в большой степени благодаря признанию массового читателя, с которым «дружил» и которому был открыт на протяжении всей своей творческой жизни. Его творчество представляет собой захватывающий сюжетный диалог с читателем, демонстрируя богатый ассортимент успешных коммуникативных стратегий — от прямых обращений к аудитории и конструирования собственного выразительного имиджа до имплицитных творческих установок, рассчитанных на сотрудничество с аудиторией. Все в его текстах: заглавия, завораживающие повторы, открытые финалы, высокий градус лексической и синтаксической экспрессивности, — становилось мощными средствами активизации «зоны восприятия». Логическим завершением творческого пути Андреева стало его обращение к публицистике, максимально сократившей дистанцию с адресатом: его поздние политические статьи предполагают прямое эмоциональное воздействие на читателя — более «агрессивное», нежели в период репортёрства, когда он начинал свою литературную карьеру.

Несомненно, в нынешних условиях Леонид Андреев был бы талантливым и востребованным блогером (что, впрочем, не помешало бы ему оставаться и писателем в традиционном смысле слова): интернет-технологии позволяют максимально сократить расстояние между интенцией литератора и её реализацией, между текстом и читателем, между чтением и письмом.

Однако главное изменение в наши дни коснулось самого читателя [4, с. 140], который вместе с новыми технологическими возможностями получил мощный инструмент «обратной связи». Одним из таких модусов вовлечённости читателя в литературу стало фикрайтерство, процветающее в Сети и как своеобразный способ литературной коммуникации в контексте «культуры соучастия» [6], и как форма дилетантского самовыражения и

креативности [3], и как новый способ постижения классических текстов, их рецепции. Тот самый массовый читатель, который сто лет назад жадно ждал ответов на свои вопросы от писателя, теперь разместился в Глобальной сети и сам дописывает и переписывает классические произведения сообразно своим вкусам и запросам.

Посмотрим, как выглядит фандом Леонида Андреева (т. е. сообщество фикрайтеров, которые обращаются к его произведениям) и чем его произведения интересны современному читателю. «Базой» для предлагаемых наблюдений был выбран фанатский сайт ficbook.net — самый посещаемый фикрайтерами в Рунете. Впрочем, полнота выборки в такого рода исследованиях невозможна, поскольку, во-первых, многие фандомы недоступны не состоящему в фанатском сообществе, а во-вторых, подобная продукция не хранится в архивах и часто стирается авторами, ведь «фанфикшн — это практика и опыт, а не хранилище и текст» [4, с. 187].

Предварительно нужно снабдить читателя этой статьи минимальным словарем понятий, связанных с фанфикшн, — они не являются терминами в строгом значении слова, но используются как членами фанатских сообществ, так и их исследователями. Итак, фанфикшн — литературное письмо, опирающееся на популярную книгу или медийный продукт (фильм, телесериал, комиксы и т. д.), которая выступает для фикрайтеров, авторов фанфиков, канон. Если канон — художественный мир оригинала, то фанон — мир, сотворенный в фандоме — сообществе, объединенном любовью к какому-либо произведению искусства. Фанлитература имеет специфические сюжетные стратегии, самые распространённые из которых связаны с любовными и/или сексуальными отношениями между парой героев (она называется пэйринг) — гетеросексуальными (гет), гомосексуальными (слэш или фем-слэш), «другими отношениями». Пересечение нескольких фандомов называется кроссовер. Жанровое разнообразие фанфиков разнообразно — те жанровые дефиниции, которые нам здесь пригодятся, при необходимости обозначим позже.

Обратившись к фандому «Леонид Андреев», представленному на сайте ficbook.net, обнаружим фанфики, написанные по следующим канонам: «Иуда Искариот и другие», «Дневник Сатаны», «Он», «Кусака» и, единично, «Памятник» и «Красный смех».

Особенно востребованной фикрайтерами оказалась повесть «Иуда Искариот», которую интерпретировали в 16 опусах. Сложные отношения Иисуса и предавшего его ученика оказались идеальной сюжетной канвой для разнообразного пэйринга — романтического, психологического, сексуального.

Нелинейность поведения заглавного героя, парадоксальность мотивации его предательства вдохновили фикрайтеров на проработку андреевских лакун, т. е. домысливание или конкретизацию мыслей и чувств этих двух героев, что выразилось в создании «вставных сцен» (*violence and violin*¹ «Господи, подчини меня...»); *чертовски верно* «Через трещины в нас проникает свет»; *Seeking Light* «Цена (Иуда Искарот)»). Одни авторы «вышивают» по андреевской канве, варьируя мотивы и сцены, имеющиеся в повести (*Шарлеманн Готье* «Я иду за Тобой»). Другие выбирают путь сиквелов, воссоздавая события, следующие за изображенными в повести: Иуда мёрзнет в холодном аду, а Иисус согревает его поцелуем, даруя прощение (*Есения Елисеева* «Это всё, что Отец позволил»); изображается внутренний ад Иуды (*Есения Елисеева* «Иуда достоин счастья»); Иисус навещает в больнице Иуду, который, вдохнув весеннего воздуха, после ухода Учителя совершает самоубийство (*другая личность* «Свежесть»).

Некоторые из фиков с уверенностью можно классифицировать как слэш: именно любовь выступает в них причиной предательства, причём у одних авторов мучительную страсть испытывает Иисус, у других — Иуда. Кстати, «ведущая» роль того или иного героя в этом тандеме обозначается авторами перед самим текстом: на первое место в паре, перед знаком «слэш», ставится имя того, кто инициирует отношения. Вероятно, некоторые опусы этого фандома можно классифицировать как «интиматопию» — предложенный Э. Вуледж [4, с. 148] поджанр слэша, подразумевающий путешествие или сложное предприятие, которое совместно реализуют мужские персонажи, попутно раскрывая эмоциональную и сексуальную сторону своих отношений. Однако порнографических сцен в этом «неподзамочном» фандоме не обнаружено, и лишь один опус отличается прямым, откровенным эротизмом (*Afrou* «Walk On Barefoot For Me»²). Иногда авторы отказываются относить свои произведения к слэшу и обозначают их меткой «другие отношения» (в одном из опусов отстранение от слэша иронически обыграно уже в заглавии: «Если венчаться, то только на царство»).

В родовом, жанровом и стилевом отношении фикы, посвящённые «Иуде Искароту», разнообразны, и навигация здесь затруднительна вследствие избыточности и субъективности авторских определений: помимо слэша (которую вернее было бы считать не жанром, как считают сами фикрайтеры, а сюжетной стратегией), это жанры «агнст» (изображение сильных переживаний — боли, отчаяния, страдания, депрессии), «джен» (романтические отношения без пэйринга и слэша), «драма» (изображение

¹ Курсивом в статье выделены ники фикрайтеров, сохранено оригинальное написание.

² В заглавие вынесена строка из песни «Judas» группы «Depeche Mode».

конфликтных отношений героев), «драббл» (наброски, отрывки, зарисовки — в том числе стихотворные); лирические медитации, использование «лапслока» (стилевой приём, заставляющий вспомнить «поток сознания»: все слова пишутся с маленькой буквы) и др. Практикуются фикрайтерами интермедиаальные параллели, представимые как саундтреки, — «Deresche Mode», рок-опера «Jesus Christ Superstar», «Евангелие» Егора Летова. В рамках кроссоверов андреевский фандом пересекается с Евангелием, «Братьями Карамазовыми» и «Преступлением и наказанием» Достоевского, «Мастером и Маргаритой» Булгакова.

Фанфикшн не только гедонистическая практика, но и интерпретационная: она позволяет осмыслить действительность и спроецировать её на свой социальный опыт. В этой связи примечателен фик «Евангелие» (аллюзия на одноимённую песню Е. Летова), в жанре «джен» с элементами слэша, в котором события переносятся в современную Москву: в героя, который ассоциируется с Иисусом, прозрачно угадывается оппозиционный политик, обречённый на арест вследствие предательства его друга и единомышленника. Несмотря на множество отсылок к реальным событиям (упоминается убитый предшественник героя Немцов и т. п.), автор всё же создаёт фикциональный текст: «Иисус в жизни ничего не боялся. Он знал — всё делает правильно. Когда Иуду, которого репутация вечно обгоняла, в свои ряды принял. Когда Марию с широкими вечно зрачками, подранными колготками и запахом сигарет от пушистых волос рядом с собой усадил. Когда призывал народ выходить на улицы, когда на дебаты принципиально не выходил, когда ему пятнадцать суток давали с завидной регулярностью»³.

Наконец, нельзя не упомянуть о том, что некоторые авторы прямо упоминают Леонида Андреева как автора канона, вдохновляющего их на творчество — красноречиво следующее посвящение фикрайтера: «Посвящаю Леониду Андрееву (простите за богохульство над великим писателем) и его пылкому, страстному, метафорическому, восхитительному языку, которым я не перестану любоваться и к которому буду стремиться»⁴ (замечу, что, несмотря на авторскую декларацию, в самом фике «леонидандреевское» почти неощутимо).

Второе место по численности фанфиков (12) в фандоме «Леонид Андреев» занимает рассказ «Кусака», что неудивительно: он входит в школьную программу, а кроме того, обладает большой силой эмоционального воздействия, заражает чувством сострадания (не забудем, что большая часть

³ Глуховатый хоукай. евангелие. <https://ficbook.net/readfic/9653052>

⁴ Afrou. Walk On Barefoot For Me. <https://ficbook.net/readfic/9588221>

фикрайтеров — молодые или даже юные авторы, а судя по аватарам, многие из них девушки, ведь фанфикшн преимущественно женская практика [4, с. 145]).

Сюжетные стратегии здесь, как и следовало ожидать, четырёх видов: пересказ фабулы канона, его вариации в вольном духе, дописывание финала в соответствии с авторской логикой и, наконец, свой собственный финал. Первая для нас малоинтересна (хотя среди переложений рассказа есть трогательные стихи).

Вторая стратегия находит самое разное выражение — в числе интересных решений опус под названием «Байрон». Это внутренний монолог собаки, которая чувствует себя лишней в барском доме (кличка её говорит о непонятности, одиночестве), потому что у её любимого хозяина появилась жена. Мотив фальшивой, равнодушной женщины намекает на знакомство автора и с другими произведениями писателя, при этом фикрайтер мастерски пользуется приёмом остранения, отсылая уже не только к Андрееву, но и к чеховской «Каштанке», купринскому «Изумруд», толстовскому «Холстомеру». Вот как, например, собака говорит о Боге: «Они все его зовут, когда происходит что-то плохое, а он не приходит и они всё равно продолжают его звать. В щель я вижу блеск — это штука... кажется, называется крест. <...> Они носят над сердцем штуку, на которой умирал человек и их это не пугает. Они не чувствуют крови на цепях... Я плачу вместе с ним и вижу его скрюченное тело рядом с дверью»⁵.

Третья стратегия воплощается в сочинённых, но не противоречащих канону финалах. Так, в фике *розового грейпфрута* «Опять боль» эпизодическое лицо андреевского рассказа: Илюша-дурачок, побиваемый злыми мальчишками, — попадает на заброшенную дачу, и в финале два одиноких существа, собака и человек, утешают друг друга. В опусе *Рамона Клыкастика* «Продолжение рассказа...», которая предваряется эпиграфом из андреевского рассказа («Собака выла»), рисуется мрачная картина последних дней собаки, умирающей в одиночестве. В одноимённом фике по рассказу автора *Ellion Leifsson* собака тоже погибает — после того, как бесплодно ждёт на вокзале возвращения своих хозяев.

Наконец, четвёртую стратегию можно обозначить как «реваншизм» — попытку переписать рассказ в позитивном духе: Леля возвращается и забирает с собой собаку в город (*Alximik* «Улыбка судьбы»; *Насек* «Мысли Кусаки»). В фике «А что если так?» автора под ником *Слезы Шуги* дописанный финал причудливо размыкает повествование в стилистику корейского аниме — с вором, проникшим на заброшенную дачу и оказавшимся старым хозяином собаки, воссоединением её с семьёй, смертью

⁵ Ann-Susan Bee. Байрон. <https://ficbook.net/readfic/5678562>

девочки, ритуалами памяти о ней и т. п. Если предыдущие фанфики относились к уже известным жанрам «агнст», «драма», «драбл», то последние классифицируются их авторами как «флафф» (своеобразный аналог идиллии). Интересно, что подобные «реванши», часто сопровождаемые возмездием по отношению к отрицательным героям, частотны и в фанфиках по «Муму» в фандоме Тургенева [1, с. 148–149].

Отметим немногочисленные попытки подражания канону («луна и звёздное небо, сверкая, наблюдали за двумя добрыми, наивными и одинокими душами, сияющими так же ярко, как и они сами»⁶), иногда выдающих более основательное знакомство с художественным миром Андреева: «Люди носят маски, словно актёры. Да, они актёры в длинном представлении с названием “Жизнь”»⁷.

Шесть фанфиков посвящены роману «Дневник Сатаны», что можно объяснить прежде всего интересом к теме inferнального, а возможно, и ассоциативной связью с романом «Мастер и Маргарита», фандом которого самый обширный на этом сайте [1, с. 144] и пересекается с андреевским фандомом в ряде кроссоверов. Жанры здесь встречаются те же, с преобладанием «агнст», те же и стратегии работы с каноном. А именно: пропущенная сцена, в которой Вандергуд после посещения Кардинала жалуется Топпи на одиночество, любит ребёнка и мечтает иметь своего (*Бройлер747* «Сопельки»); почти эротическая сцена в духе «гет», в которой Сатана, принявший ангельский лик, в прекрасном саду пытается соблазнить влюблённую в него Марию, но понимает, что недостойн её непорочной любви (*Шарлеманн Готье* «Шелест медовых трав»); дописанный финал, в котором убитого Магнусом Сатану-Вандергуда закапывает в землю Мария, а он, будучи бессмертным, глубоко разочарованный в людях, мечтает отдохнуть у себя в аду (*Limmael* «Как умер Сатана»). Вариации на тему романа: заставляющее вспомнить Мильтона изысканно риторическое обращение Сатаны к Богу, своего рода богохульственная декламация (*Crazy Maestro* «Вочеловечившийся»); лишь ассоциативно связанный с каноном рассказ в стихах о лопнувшем и обретшем свободу шарике (*viruskaft4* «Шарик»); кроссовер-фантазия с обращением к роману Уайльда «Портрет Дориана Грея», в которой в духе «фемслэш» сумбурно изображается любовь художницы и её музы в мастерской — с кружением ангелов и чертей и явлением лорда Генри (*Бройлер747* «Представитель во всех делах»).

⁶ *розовый грейпфрут*. Опять боль. <https://ficbook.net/readfic/8458524>

⁷ *Рамон Клыкастик*. Продолжение рассказа Л. Н. Андреева «Кусака». <https://ficbook.net/readfic/4958669>

Один из самых мистических, «готических» рассказов Леонида Андреева, «Он. Рассказ неизвестного», вдохновил фикрайтеров на три опуса, два из которых интересны. В первом, помеченном как «ужасы, мистика», девочка Юмина (имя героини из японского анимэ) после многих приключений просыпается в больнице и узнаёт от врача, что ей 26 лет, из них 18 она здесь — после того, как в 8 лет убила своих родителей, друзей, а потом приёмных родителей (*Серафима Вольнерт* «Заброшенная больница») — похоже, фик отсылает ещё и к андреевским «Моим запискам». Автор второго произведения, извиняясь перед «великим Леонидом Андреевым», выдаёт сцену слэша: весьма откровенную картину любовного свидания своего героя с незнакомцем, который является ему в таинственном доме ночью, а утром бесследно исчезает, забывая на тумбочке мужской котелок... (*Ali Lee* «По обыкновению»).

Наконец, упомяну фик *Серафимы Вольнерт* «Красный», навеянный «Красным смехом», — вариацию на тему рассказа в стихах (обращение одного брата к другому) и слэш-кроссовер «Воскрешение Лазаря» *эльзы зориной смотрящей*: во время любовного свидания с Раскольниковым Соня Мармеладова вспоминает свою «коллегу» Пашу, которая познакомилась с непризнанным писателем у памятника Пушкину (завязка сюжета андреевского рассказа «Памятник»).

Итак, интерпретативные сценарии фикрайтеров в фандоме «Леонид Андреев» подтверждают многие наблюдения исследователей феномена фанфикшн. А именно, фикрайтеры в пределах фандома «Леонид Андреев» фокусируются не на самих его текстах, а на переживаниях «по поводу текста», активно проводя параллели между событиями, изображёнными в каноне, и своим социокультурным и личным опытом. Литературный опыт зачастую оказывается вторичным, синтезирующим чтение и письмо и соотносимым прежде всего с опытом внелитературным [2, с. 72]. Отсюда почти полное отсутствие подражаний стилю Леонида Андреева, который, как известно, вследствие своей узнаваемости в литературно-критическом поле в своё время часто оказывался мишенью для пародий и стилизаций. Можно согласиться с наблюдениями Н. Самутиной, которая пишет, что русскому фанфикшну чужды «авангард и модернистский канон XX века, тексты, ориентированные на новаторство формы, стилистические эксперименты» [4, с. 163]. Если использовать фан-лексику, то можно заключить: стилистически каноны и фаноны в рамках фандома несхожи.

Тем не менее основные стратегии работы фикрайтеров с андреевскими текстами в известной степени определяются особенностями его стиля и письма, оставляющими возможность дописывать нелинейный

психологический рисунок героев, заполнять лакуны, восполнять умолчания и раскрывать потенциалы. Похоже, в целом Андреев именно этим и привлекает фикрайтеров — неслучаен выбор в качестве канонов текстов, которые характеризуются экспрессивностью, мистикой, «ужасами», пряной атмосферой. В случае с Андреевым работают все четыре модуса вовлечённости читателя, отмеченные Р. Фелски: узнавание, социальное познание, шок, зачарованность [5]. В то же время исключительный интерес фикрайтеров к таким произведениям, как «Иуда Искарот», «Он», «Дневник Сатаны», можно объяснить благодатной возможностью применить излюбленные стратегии любительского письма, нацеленного на получение чувственного удовольствия: между их мужскими персонажами существуют амбивалентные по своему психологическому рисунку отношения двойничества, легко трансформируемые в слэш. Можно констатировать, что в альтернативном литературном поле фанфикшна скандальная слава Леонида Андреева — как ниспровергателя разного рода условностей письма — вновь заявляет о себе. Более того: парадоксальным образом Андреев, выступивший «фикрайтером» по отношению к каноническому библейскому тексту, сам теперь стал «канон» для фикрайтеров XXI века.

Радует инерция литературоцентризма в поле фикрайтеров: почтительность к классику сквозит в извинениях перед ним за вольное обращение с его текстами, в посвящениях («Замечательному писателю Леониду Андрееву, чьё мастерство незаслуженно забыто»), просто признании его заслуг. Как выразился один из фикрайтеров фандома, «Андреев крут».

Литература

1. Белякова, О., Ильчук, А., Залогина, Ю., Конюченко, А., Лазарева, А., Тимчук, С., Кургузова, Н. В. «Му-му вернулась, чтобы отомстить»: интерпретация оригинальных произведений И. С. Тургенева в литературе фанатов // Перспективы науки—2017: материалы VI Междунар. заочного конкурса науч.-исследов. работ / Научн. ред. А. В. Гумеров. Казань: Рóкета Союз, 2017. С. 143—150.
2. Венедиктова, Т. Литература как опыт // Новое литературное обозрение. № 115. С. 71—81.
3. Прасолова, К. А. Фанфикшн: литературный феномен конца XX—начала XXI века (творчество поклонников Дж. К. Ролинг): дис. ... канд. филол. наук. М., 2008. 258 с.
4. Самутина, Н. В. Великие читательницы: фанфикшн как форма литературного опыта // Социологическое обозрение. 2013. Т. 12. № 3. С. 137—194.
5. Felski, R. Uses of literature. Oxford: Blackwell, 2008. 154 p.
6. Jenkins H. Textual Poachers: Television Fans and Participatory Culture. NY : Routledge, 1992. 343 p.

~